

Изменение политической ситуации в стране способствовало налаживанию сотрудничества между Бундом и ППС. Условно можно выделить следующие сферы и взаимодействия. Во-первых, это борьба против антисемитизма. О нём вспомнили, после того как в середине 30-х гг. по стране прокатилась волна антисемитских погромов. Сотрудничество в рамках борьбы с антисемитизмом сводилось к:

- совместным силовым акциям бундовских отрядов самообороны Ordener-Grupsс и Tsukunft-Shturem с милицией ППС, особенно с её военизированным формированием Akcja Socjalistyczna (Социалистическое действие);
- защите еврейских студентов от преследования в университетах;
- совместные публикации, направленные против антисемитизма. И Бунд и ППС издали множество брошюр по этому поводу, причём некоторые из них при совместном субсидировании.

Данная тенденция, однако, не позволяет говорить о том, что в среде польского пролетариата произошли какие-либо серьёзные изменения в отношении евреев. В качестве примера следует процитировать главу польских профсоюзов, который в ответ на требования еврейской части руководства профсоюза подтолкнуть польских рабочих к участию в акциях, направленных на борьбу с антисемитизмом, ответил: «Ситуация не созрела достаточно для общего действия, потому что часть польского рабочего класса стоит на националистических позициях» [4, с. 91]. Это иллюстрирует крепость антисемитских стереотипов, сложившихся в рабочей среде и даже в среде ппсовской интеллигенции. Можно предположить, что сотрудничество ППС с Бундом в борьбе против антисемитизма было вызвано, скорее всего, мотивами партийной конкуренции с самой массовой польской партией – энджаками, которые проповедовали воинствующий антисемитизм.

Во-вторых, совместное празднование дня 1-го мая. Редкие в 20-е и начале 30-х гг. после 1936 г. объединённые демонстрации стали гораздо более частыми. В некоторых случаях они запрещались вла-

стями. Демонстрации обычно завершались общественными встречами, организованными Бундом, ППС и профсоюзами.

В-третьих, выборы в муниципалитеты. В 1936, а особенно в 1937 и 1938 гг., эти две партии, несмотря на отклонение ППС предложения Бунда о едином кандидате от двух партий, сотрудничали гораздо более активно, чем когда-либо прежде. В некоторых случаях Бунд в тех регионах, где позиции партии были не столь сильны, как позиции ППС, просил своих сторонников голосовать за кандидатов от ППС. В областях, где ППС уступала польским партиям правого крыла, её лидеры призывали избирателей отдавать свои голоса Бунду. В Варшаве и Лодзи, где эти две партии победили на выборах в 1936 и 1938 гг., муниципальные советы стали главной ареной их сотрудничества.

Таким образом, можно говорить о том, что 30-е г. XX века стали периодом, когда две социалистические партии Польши пошли на сближение перед лицом растущей внутренней и внешней угрозы фашизма. Но с другой стороны, между данными партиями сохранились значительные противоречия, которые так и не позволили им окончательно объединить свои усилия.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Государственный архив Брестской области (далее ГАБО). – Ф.1. Оп. 9. – Д. 465.
2. ГАБО. – Ф. 67. – Оп. 1. – Д. 84.
3. ГАБО. – Ф. 67. – Оп. 1. – Д. 939.
4. Brumberg, A. The Bund and the Polish Socialist Party in the Late 1930s. / A. Brumberg // The Jews of Poland between Two World Wars. University, Press of New England Bradeis University. Hanover and London, 1989. P. 76.
5. Jonpoll, B.K. The politics of futility / B.K. Jonpoll. – Ithaca–New York, 1967. – P. 154.
6. Sprawy Narodowościowe. - 1929. – № 2. – S. 292.
7. Sprawy Narodowościowe. – 1935. – № 6. – S. 661.
8. Sprawy Narodowościowe. – 1936. – № 3. – S. 289.

Материал поступил в редакцию 09.12.14

MOSHCHUK A.V. Revolt and the Polish social democracy during the intermilitary period in the Western Belarus – from confrontation to cooperation

The article examines the political cooperation between the two social-democratic organizations : the Jewish Bund and the Polish Socialist Party . Both organizations are influential political forces in interwar Poland. The process of formation of the Polish state was accompanied by the growth of nationalist sentiment among the Polish proletariat, making it impossible to establish relations between the two parties. However, by the mid – 1930s. strengthening of pro-fascist policy leadership of Poland , led to the establishment of close coalition between the Bund and the PPS.

УДК 329.14

Радькова О.Г.

УГЛУБЛЕНИЕ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗМЕЖЕВАНИЯ В ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В историографии Первой мировой войны существуют спорные и нерешенные вопросы, в частности, по отношению различных политических партий к курсу «на войну до победного конца», к лозунгам «защиты отечества» и «гражданского мира», «поражения своего правительства». Разумеется, этому аспекту уделялось значительное внимание советскими исследователями, занимавшимися изучением германского рабочего и социалистического движения. Однако в их трудах предпочтение отдавалось левым движениям, недооценивался национальный фактор, преувеличивалась степень сознательности пролетариата, антивоенные выступления часто трактовались как революционные [8, с. 18]. Российский историк З.П. Яхимович считает, что долгое время существовала «определённая переоценка степени иммунитета трудящихся масс к империалистической идеологии, а все факты, шедшие вразрез с этим убеждением, списывались за счет злокозности социал-шовинизма и реформизма правооппортунистических

течений в рабочем и социалистическом движении» [20, с. 20].

В современном мире, где идет под разными знаменами мощная идеологическая атака на большевизм и советское прошлое, отчетливо просматривается стремление принизить интернационализм противников войны и возродить национализм «в его наиболее радикальном, шовинистическом варианте» [13, с. 60], что чревато непредсказуемыми последствиями.

Автор данной статьи стремилась проанализировать процесс углубления размежевания в германской социал-демократии по проблемам войны и мира накануне и в начальный период войны, отойти от крайностей в оценках позиций идейно-политических течений в партии по данному вопросу.

Социал-демократическая партия Германии, возникшая как политическая организация рабочего класса, к началу Первой мировой войны представляла собой внушительную оппозиционную силу и по числу

Радькова Ольга Григорьевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории нового и новейшего времени Белорусского государственного университета.

Беларусь, БГУ, г. Минск, 220030, ул. Красноармейская, 6.

своих членов, и по политическому весу. В 1914 г. в ее рядах состоял 1 млн. 86 тыс. членов. На парламентских выборах в 1912 г. она получила 4 млн. 250 тыс. голосов избирателей или 34,7% всех участвовавших в выборах, проводя в рейхстаг 110 своих депутатов, и создала самую крупную фракцию, обойдя буржуазные и юнкерско-клерикальные партии [5, s. 245, 526, 510]. Однако после смерти А. Бебеля в 1913 г. к руководству партией пришли такие прагматичные и рациональные функционеры как Ф. Шейдеманн, Ф. Эберт, для которых куда важнее был сам процесс борьбы за депутатские мандаты и связанные с ним преимущества, нежели защита жизненных интересов рабочего класса. В партии к этому времени уже шел процесс размежевания на сторонников умеренных действий (правые) и приверженцев более активных методов борьбы, включая и внепарламентскую тактику (левые). Этот процесс назревал уже с конца XIX в., когда в СДПГ появились сторонники Э. Бернштейна, выступившего за пересмотр основополагающих взглядов К. Маркса, за так называемую их ревизию. Э. Бернштейн вскоре превратился в признанного идеолога правого крыла германской и международной социал-демократии. В центре политического спектра находился К. Каутский, занимавший по ряду принципиальных вопросов уклончивую позицию.

Агрессивная политика кайзеровской Германии в период международных кризисов – первого и второго Марокканских, Боснийского, Балканских войн накануне Первой мировой войны, растущая угроза военного конфликта между государствами Тройственного союза и Антанты поставили социал-демократическую партию Германии перед серьезным испытанием. Правые выступили в поддержку экспансионистских устремлений германского правительства, отказавшись участвовать в интернациональных, антивоенных выступлениях пролетариата. Левые во главе с Р. Люксембург и К. Либкнехтом решительно осудили позицию Правления партии в данном вопросе, разоблачили поджигателей войны и призывали к энергичной борьбе против ее угрозы [1, с. 175, 183]. Много ценного в выработку наступательной стратегии и тактики борьбы против милитаризма и войны внесли и другие представители левого крыла – Ф. Меринг, К. Цеткин, А. Паннекук, Г. Дункер, В. Пик.

Хемницкий съезд СДПГ 1912 г. выступил в своей резолюции с требованиями одновременного ограничения вооружений со стороны правительства и учреждения третейских судов, но обошел вопрос о необходимости массовых выступлений против гонки вооружений и угрозы войны [1, с. 239].

На Иенском съезде партии в 1913 г. не были приняты реальные предложения Р. Люксембург и ее сторонников по включению массовой стачки в число антивоенных средств, были повторены в резолюции лишь традиционные фразы о единстве рядов и готовности социал-демократии ответить на вызов реакции. Р. Люксембург предупреждала партию о роковых последствиях такой позиции: «Если вы поддержите решение большинства нашей фракции, вы окажетесь в случае возникновения войны... вынужденными по логике вещей голосовать за одобрение военных расходов» [18, s. 487].

Отношение к войне и миру стало одним из главных вопросов в ходе полемики между К. Каутским и левыми. К. Каутский считал, что пролетарское восстание в случае войны было бы безрассудством и главной задачей социал-демократии является борьба против угрозы войны – войну легче предотвратить, нежели бороться за ее прекращение в период, когда боевые действия уже начались [9, с. 459]. К. Каутский предлагал использовать такие приемы и методы, как антивоенные кампании в прессе, парламентские акции, иными словами, он выступал за легальные средства антивоенной политики.

В 1914 г., в период июльского кризиса в «Vorwärts» был напечатан призыв Правления партии, в котором говорилось, что правящие классы хотят использовать народ в качестве пушечного мяса и что партия занимает интернационалистическую позицию, однако спустя всего несколько дней социал-демократическая пресса, находящаяся под контролем правых, переменяла тон – когда придет роковой час социалисты выполнят свой гражданский долг. Уже 29 июля 1914 г. правый социалист А. Зюдекум заверил канцлера Т. Бетмана-Гольвега в том, что СДПГ в случае войны поддержит правительство. В свою очередь власти отменили заранее намеченные на случай

войны аресты социал-демократических лидеров. Канцлер, проводя такую линию, видел в этом один из способов воздействия на рабочих. Вопрос о перемене позиции руководством СДПГ вызывал ожесточенные споры. Одни обвиняли лидеров партии в предательстве, считая, что речь шла не об оборонительной, а об империалистической войне и что были преданы решения конгрессов II Интернационала Штутгартского, Копенгагенского, Базельского о борьбе против милитаризма и угрозы войны, а также принципы интернационализма. Другие считали, что такая позиция германской социал-демократии вытекала из глубоко укоренившейся в Германии традиции объединения народа перед внешней угрозой [14, с. 79–80].

Важнейшим вопросом для СДПГ стало обсуждение вотирувания военных кредитов на заседании социал-демократической фракции рейхстага 2 и 3 августа 1914 г. Большинство фракции – 96 человек высказались за одобрение военных кредитов, 14 – против. Председатель Правления партии Г. Гаазе заверил императора Вильгельма II в поддержке, призвал рабочих к гражданскому миру ради спасения отечества. Руководство фракции, ссылаясь на партийную дисциплину, смогло склонить фракцию к поддержке военного бюджета. При голосовании меньшинство подчинилось большинству, и 4 августа 1914 г. фракция СДПГ единогласно одобрила военные кредиты. Лидеры фракции объясняли свою позицию необходимостью укрепления обороноспособности страны от агрессии со стороны России, ссылаясь на патриотические настроения и национальные чувства немцев, преподносили общественности свое поведение 4 августа 1914 г. как политику самосохранения немецкого народа.

Руководство германских свободных профсоюзов, примыкавших к социал-демократии, также поддержало войну, призвав профсоюзы прекратить все трудовые конфликты, отказаться от забастовок во имя защиты отечества. Накануне войны в их рядах насчитывалось 2,5 млн. членов. Германские свободные профсоюзы, возглавляемые К. Легиным, Г. Бауэром, стояли в целом на реформистских позициях, предпочитая действовать осторожно, избегая по возможности крайностей, в том числе и стачек [15, s. 783]. Социал-демократическая пресса в большинстве своем в день объявления Германией войны России 1 августа 1914 г. совершила крутой поворот от лицемерных заявлений против войны к призывам защищать фатерланд от русского варварства, воевать до победного конца, прекратить всякие антивоенные выступления, присоединившись к шовинистическим призывам правительственной прессы [12, с. 41]. Таким образом, война предстала в глазах подавляющего большинства населения как борьба за само существование государства и нации. В этом сказались плоды многолетней националистической пропаганды [17, с. 56].

Против официальной линии руководства СДПГ, поддержавшего войну, выступила группа левых социал-демократов. Вечером 4 августа на квартире Р. Люксембург собрались Ф. Меринг, Г. и К. Дункер, Ю. Мархлевский, Э. Мейер, В. Пик, чтобы посоветоваться о первых шагах к объединению левых сил в партии. Они решили войти в контакт с функционерами местных организаций, стоявших на левых позициях, и пригласили более 300 человек высказать свое мнение, однако получили ответ от немногих, среди которых была К. Цеткин. Но она отклонила предложение группы о проведении акций против голосования фракции, хотя и не одобряла ее поведение. К. Цеткин полагала, что немногочисленными личными протестами уже ничего нельзя изменить, но они будут только свидетельствовать об изоляции противников войны [7, s. 301]. Правда, уже скоро она отказалась от своего нигилизма и заняла твердую позицию поддержки антивоенных сил.

Левые не смирились с условиями осадного положения, считая своей важнейшей задачей раскрыть общественности националистическую демагогию властей и их приспешников. Они противостояли объединенным силам органов власти, буржуазных партий и союзов, ревизионистов и центристов в партии и профсоюзах, что требовало от них величайшего самопожертвования. В индустриальных центрах стали возникать группы левых социал-демократов, осуждавших войну, а с осени 1914 г. они перешли к систематической борьбе против войны, за решительное размежевание с ее пособниками. Правящие круги при поддержке правых стремились сдержать рост недовольства масс и подавить антивоенные выступления.

В декабре 1914 г. Р. Люксембург, К. Либкнехт, К. Цеткин, Ф. Меринг опубликовали в английской социалистической газете материалы, разоблачавшие предательство лидеров СДПГ. Они заявили, что остаются верными принципам интернационализма и считают необходимым объединение революционных сил в обновленном Интернационале [7, с. 313].

Карл Либкнехт, избранный в рейхстаг в 1912 г., на заседаниях фракции требовал отказа от поддержки военных кредитов, но помешать голосованию 4 августа он не смог и подчинился большинству, за что был подвергнут осуждению со стороны многих рядовых членов партии. В согласии с Р. Люксембург он подготовил тезисы, которые должны были стать основой заявления революционного меньшинства при очередном голосовании и вошли в историю как «Ноябрьские тезисы». В них была дана оценка роли германского империализма в развязывании войны, исследованы мотивы монополистического капитала по ее возникновению – мощные концерны тяжелой промышленности алчно взирали на крупную промышленность и ископаемые недра в Бельгии, Лотарингии, Малой Азии. В тезисах говорилось о том, что правящие круги Германии испытывали потребность в войне для разрешения внутривнутриполитических проблем, а немецкая военщина, милитаристские силы подталкивали страну к войне. Националистическая пропаганда не получила в немецком народе должного сопротивления, особенно в непролетарских кругах, хотя они и были в большой степени заинтересованы в сохранении мира. Война характеризовалась К. Либкнехтом как империалистическая: «Речь идет о чисто империалистической войне, и прежде всего с немецкой стороны, с целью, упорно преследуемой могущественными кругами, добиваться завоеваний огромного масштаба. Речь идет – с точки зрения гонки вооружений в лучшем случае о вызванной совместно германской и австрийской военными партиями превентивной войне, когда условия к этому показались благоприятными, утвержден проект вооружений огромного размера и достигнуто преимущество в технике» [19, с. 285].

К. Либкнехт акцентировал внимание на манипуляциях, направленных на одурачивание масс с тем, чтобы большинство народа в «полном единодушии» пошло на войну, но на самом деле не было никакого подлинного единодушия: «Это отнюдь не немецкая оборонительная война и не немецкая освободительная война, а капиталистическая агрессивная и захватническая война» [19, с. 286]. Он опроверг стремление правителей установить односторонний классовый мир. Утверждение «нет больше партий!» означает лишь одно: признание пролетариата равноправным пушечным мясом. От правительства и правых социал-демократических политиков рабочие ничего хорошего не дождутся, поэтому рабочий класс, трудящиеся должны противопоставить программе продолжения войны до победного конца программу борьбы за быстрое заключение мира, не являющегося унижительным ни для одной из стран [19, с. 289].

2 декабря 1914 г., когда в рейхстаге голосовался новый военный кредит, К. Либкнехт, единственный из 110 социал-демократических депутатов, проголосовал против, потребовав заключения мира без аннексий. Мужественное поведение К. Либкнехта стало призывом к борьбе против войны.

Важную роль в углублении размежевания внутри социал-демократии сыграла Роза Люксембург, идеолог левого крыла. В написанной ею в тюрьме и опубликованной нелегально брошюре «Кризис социал-демократии» (1915) под псевдонимом «Юниус» была дана оценка характеру войны. Она связала возникновение войны с империализмом и его жадной колониальной захватом, стремлением к мировому господству. На ее взгляд, война носила ярко выраженный империалистический характер за исключением Сербии и Бельгии. Она отвергла тезис об оборонительной войне для Германии, вступила в спор с идеологами правого крыла о том, что в этой войне решался вопрос о самом существовании Германии, которой якобы угрожала Россия. На самом же деле на независимость Германии никто не посягал. Своим голосованием в рейхстаге социал-демократия, на ее взгляд, взвалила на себя ответственность за эту войну и скомпрометировала себя.

Р. Люксембург считала, что лозунг «победа или поражение» не состоятелен, ибо в эпоху развитой военной техники победивший в ней будет такой же жертвой, как и проигравший. Данная война в силу технической оснащенности вооружений может длиться долго и приносить новые и новые жертвы. На ее взгляд, мировая война отразила кризис старого мира, старой культуры. Спасение от гибели лидер левого крыла видела в социализме, однако не выдвигала лозунга превращения империалистической войны в гражданскую, оставаясь в этом вопросе весьма осторожной [12, с. 3–110]. Она недооценивала роли партии как организатора крупных политических акций. Партия должна отслеживать и разъяснять цели и ситуацию, а массовые действия должны исходить снизу. В этом она расходилась с позицией русских социал-демократов (большевиков).

Таким образом, руководители левых четко определили свою позицию – война носит не оборонительный, а империалистический характер, поэтому рабочий класс не вправе ее поддерживать.

Весьма неопределенным и уклончивым было поведение К. Каутского (центр) в период июльского кризиса и начала войны. В первые месяцы войны он опубликовал в «Die Neue Zeit» ряд статей, в которых отмечал, что позиция, занятая социал-демократической фракцией, в рейхстаге разделяется далеко не всеми, что может привести к расколу, но в этом он боялся признаться даже самому себе. При этом поведение фракции, голосовавшей 4 августа за военные кредиты, он назвал вполне совместимым с социал-демократическими принципами и идеалами [10, с. 645]. В работе «Социализм и война», опубликованной в 1937 г., признавался, что начало войны для него было тяжелым временем, так как одобрение кредитов повлияло на престиж партии, но необходимо было считаться с политическими реалиями. В условиях военного положения, ограничения демократических прав, урапатриотических настроений в обществе политическая борьба не могла привести к успеху, нужно беречь силы и ждать лучших времен. Он даже в начале войны стоял на позиции защиты своего отечества для достижения мира [4, с. 253–254].

Идеолог правого большинства Э. Бернштейн 4 августа вместе со всей фракцией проголосовал за военные кредиты, опубликовал в «Vorwärts» ряд статей, в которых оправдывал поведение и военную политику социал-демократической партии необходимостью борьбы против царизма, рассматривая ее как важнейшую задачу германского пролетариата [2, с. IV]. Он придерживался концепции: в условиях войны принцип интернационализма не работает, так как в силу вступают иные законы, и прежде всего закон о праве и необходимости защиты своего отечества. Правые, в том числе и Бернштейн, в духе лассальянской традиции за поддержку правительства ожидали введения в Пруссии всеобщего и равного избирательного права, демократизации политического режима, а также, как считает исследователь Л.Н. Бровко, «силясь попасть в ритм шовинистических исследований, хотели добиться усиления популярности партии, роста ее сторонников» [4, с. 252].

Расчеты кайзеровского правительства на молниеносную войну не оправдались, война затягивалась, принимая позиционный характер. В первые годы войны правительство проводило политику «замораживания» зарплаты, выросла продолжительность рабочего дня до 11–12 часов, были отменены запреты на применение детского труда и ограничение рабочего дня для подростков, что не могло не отразиться на настроениях масс, накоплении усталости и озлобления. В этих условиях ряд членов большинства партии, опасаясь падения влияния социал-демократии, стали объявлять о своей особой, непримиримой антивоенной позиции. Э. Бернштейн вместе с лидерами центра К. Каутским и Г. Гаазе опубликовали в прессе заявление «Веление времени», направленное против официальной военной политики СДПГ, проводимой большинством партий и фракций, против экспансионистских военных целей германского правительства. В нем предлагалось немедленное заключение перемирия, отказ от проводимой партией политики гражданского мира, отмежевание от грабительских целей войны [3].

Э. Бернштейн в 1915 г. при очередном голосовании в рейхстаге военных кредитов предложил воздержаться от их поддержки, что вызвало ожесточенные споры среди депутатов. Руководство партии в таких условиях решило подготовить два альтернативных варианта

«Тезисов» о целях войны: один готовил Э. Бернштейн, другой – Э. Давид. При обсуждении за проект Э. Давида высказалось большинство фракции. Проект Бернштейна, в котором осуждалась политика гражданского мира и высказывались новые идеи относительно послевоенного устройства, не был поставлен на голосование, то есть отвергнут [16, с. 233]. Таким образом, в ходе войны выявился и более конструктивный подход во взглядах К. Каутского и Э. Бернштейна по вопросу военной политики. Более того, их сторонники объединились в 1915 г. в так называемое Рабочее содружество.

В отличие от большинства социал-демократической фракции группа противников одобрения кредитов однозначно выступила за сохранение за партией роли оппозиции. Мужественное поведение К. Либкнехта, голосовавшего в декабре 1914 г. против кредитов, стало призывом к борьбе против войны. В марте 1915 г. левые социал-демократы объединились в группу «Интернационал», в мае этого года К. Либкнехт сформулировал лозунг группы «Главный враг – в собственной стране!» [11, с. 49–50]. Левые решительно отвергли лозунг «гражданского мира», считая, что только массовые выступления трудящихся могут привести к миру между народами. Однако правое руководство СДПГ всячески препятствовало развёртыванию антивоенных действий. В 1915 г. не были организованы ни празднование Первой, ни собрания, а рекомендовалось ввиду особых условий отказаться от прекращения работ, не собирать первомайских взносов и не выпускать праздничную первомайскую газету, а фонды Первой были переданы для «национальной» борьбы немецкого народа [6, с. 146].

Первомай занял важное место в борьбе революционных левых против войны. В статье К. Цеткин, опубликованной в «Die Gleichheit» говорилось, что «события призывают к выдвиганию требования, в котором массы должны выступить в первую очередь: решение вопроса о мире» [6, с. 148].

При следующем голосовании в рейхстаге за военные кредиты К. Либкнехту присоединился Отто Рюле (март 1915 г.), а в декабре 1915 г. против кредитов голосовали уже 20 депутатов, выступив с заявлением, в котором обвиняли канцлера в пособничестве аннекционистам. Левые понимали необходимость перехода к тактике массовых внепарламентских действий. Они развернули, используя имеющиеся у них возможности, различные акции, носившие антивоенный характер. Весной 1915 г. были организованы первые массовые антивоенные выступления в Берлине, Магдебурге и других городах. В июне 1915 г. около тысячи функционеров местных организаций партии направили письмо руководству Правления СДПГ, в котором потребовали отказа от политики гражданского мира и развёртывания борьбы за прекращение войны, достижение мира. Нарастал процесс поляризации общества в условиях тяжелейшего кризиса, вызванного войной. Многие рабочие стали ориентироваться на более радикальные и действенные формы борьбы.

Правящие круги при поддержке реформистского руководства СДПГ стремились сдержать рост антивоенных выступлений и настроений, используя различные репрессивные методы по отношению к противникам войны и их лидерам. К. Либкнехт весной 1915 г. был призван в армию, Р. Люксембург брошена в тюрьму, несколько месяцев провела в заключении и К. Цеткин.

Таким образом, идейно-политические противоречия, существовавшие в довоенной социал-демократии, усилились с началом Первой мировой войны. Размежевание между ревизионистами-реформистами и революционными марксистами вызывали такие вопросы, как военные кредиты, гражданский мир, защита отечества,

отношение к правительственному курсу. Ориентация правых лидеров СДПГ на поддержку кайзеровского режима, свергнувшего Германию в войну, подверглась критике не только со стороны революционных марксистов, но со временем и со стороны пацифистского центриста К. Каутского и ревизиониста Э. Бернштейна, привела к расколу партии в последующие годы войны.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Айзин, Б.А. Революционные германские социал-демократы против империализма и войны. 1907–1914 гг. / Б.А. Айзин. – М.: Наука, 1974. – 331 с.
2. Бернштейн, Э. Германская революция. История ее возникновения и ее первого периода. С пред. А. Штейна / Э. Бернштейн – Берлин–Дрезден: Восток, 1922. – 331 с.
3. Bernstein E., Haase H., Kaytsky K. Das Gebot der Stunde / Leipziger Volkszeitung, 19. Juni 1915.
4. Бровко, Л.Н. Война, революция и новая картина мира в идеологии германской социал-демократии // Первая мировая война: Пролог XX века. – М.: Наука, 1998. – С. 250–274.
5. Fricke, Dieter. Die deutsche Arbeiterbewegung 1869–1914. Ein Handbuch über ihre Organisation und Tätigkeit im Klassenkampf / D. Fricke. – Berlin, Dietz Verlag, 1976. – 975 S.
6. Фрикке, Дитер. 1 мая: история, традиция, борьба / Д. Фрикке. – Пер. с нем. – М.: Политиздат, 1986. – 256 с.
7. Klein, Fritz. Deutschland von 1897/98 bis 1917 / F. Klein. – Berlin, 1969. – 509 S.
8. Козенко, Б.Д. Отечественная историография первой мировой войны // Новая и новейшая история. – 201. – № 3. – С. 3–27.
9. Кретинин, С.В. Карл Каутский. 1854–1914 гг. / С.В. Кретинин – Воронеж, Научная книга, 2007. – 557 с.
10. Кукушкина, И.В. Карл Каутский о влиянии первой мировой войны на рабочее движение // Первая мировая война: Пролог XX века. – М.: Наука, 1998. – С. 644–657.
11. Liebknecht, K. «Der Hauptfeind steht im eigenen Land» // Die Jenaer Osterkonferenz 1916. Materialien und Dokumente. – Gera, 1967. – S. 49–50.
12. Люксембург, Р. Кризис социал-демократии / Р. Люксембург. – М.: Красная новь, 1923. – 130 с.
13. Миллер, В.И. Первая мировая война: к анализу современной историографической ситуации // Первая мировая война: Пролог XX века. – М.: Наука, 1998. – С. 59–61.
14. Миллер, Сюзанна; Потхофф, Хайнрих. Краткая история СДПГ // 1840–1990 // С. Миллер, Х. Потхофф. – Пер. с нем. – Киев: Основи цінності, 2000. – 375 с.
15. Nipperdey, Thomas. Deutsche Geschichte 1866–1918/ Zweiter Band. – München: Beck, 1992. – 948 S.
16. Овчаренко, Н.Е. Две жизни Эдуарда Бернштейна // Новая и новейшая история. – 1994 – № 4–5. – С. 208–241.
17. Патрушев, А.И. Германия в XX в. / А.И. Патрушев. – М.: Дрофа, 2004. – 432 с.
18. Protokoll über die Verhandlungen des Parteitag der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Ab geh. In Jena, 1913. – Berlin, 1913.
19. Dokumentenanhang in: Wohlgenuth, Heinz. Deutschland und die deutsche Arbeiterbewegung von der Jahrhundertwende bis 1917. – Berlin, Dietz Verlag, 1964. – S. 195–316.
20. Яхимович, З.П. О некоторых вопросах методологии исследования происхождения первой мировой войны // Первая мировая война: Пролог XX века. – М.: Наука, 1998. – С. 16–21.

Материал поступил в редакцию 09.12.14

RADKOVA O.G. Deepening of ideological and political delimitation in the German social democracy on the eve of and at the beginning of World War I

In article process of delimitation in the German social democracy on radical questions of strategy and tactics in the conditions of the begun World War I reveals. Orientation of the right party leadership to parliamentary activity and integration into bourgeois society led to approval of military policy of ruling circles of Germany, to change to the principles of internationalism that was fraught with split of party in the next years.